

Les lettres de prince Milan de Serbie à M. Tcherniaeff.

Mon cher général,

J'ai donné l'ordre au major Wolkoff de retourner à Déligrad, car je ne puis rien vous faire savoir de positif et il serait exposé à attendre ici encore assez longtemps peut-être. Il semble que la Porte a répondu déjà mercredi ou mardi à la demande d'un armistice régulier formulée par les Puissances sur l'initiative de la Russie, qu'elle accordait un armistice de cinq mois (!). Ne vaudrait il pas mieux dire tout de suite, qu'elle n'a nullement envie de tenir une campagne d'hiver et qu'elle accorde généreusement un armistice qui durerait jusqu'au mois de Mars, pour se donner le temps de se préparer pour une campagne le printemps prochain après les fontes des neiges.

Il semble en outre qu'elle aurait posé certaines conditions et d'après certains bruits se serait qu'il n'y ait plus d'arrivée de volontaires en Serbie (!); que les Serbes ne pourraient pas occuper les positions qui sont actuellement occupées par les Turcs (ce qui tendrait à prouver qu'ils doivent ou désirent se retirer de leurs positions actuelles). Comme jusqu'aujourd'hui il n'y a aucune communication de cet armistice et de ces conditions au gouvernement Serbe, il est à supposer soit que ces bruits sont peu fondés, soit que les Puissances ou une d'entre elles ont vu l'absurdité de ces demandes de la Porte et qu'elles n'ont même pas voulu les communiquer en Serbie. Mais je vous repete que tout ceci sont des bruits ou des hypotheses et que je ne sais rien ni officiellement ni officieusement.

Dès que j'aurai quelque communication positive je vous en informerai, si elle est pressante par télégraphe, si non par courrier; en tous cas à temps pour pouvoir avoir vos appreciations au sujet de ce qui aurait été proposé.

Письма въ М. Г. Черняеву князя Милана сербскаго.

Дорогой генераль,

Я приказалъ маіору Волкову вернуться въ Делиградъ, не имѣя возможности сообщить Вамъ что либо положительное, почему ему пришлось бы ждать еще долго. Кажется, что Порта отвѣтила уже въ среду или во вторникъ на предложеніе правильнаго перемирія, предложеннаго державами по инициативѣ Россіи. Она соглашается на пятимѣсячное (!) перемиріе. Лучше было бы ей прямо признаться, что она избѣгаетъ зимняго похода и великодушно даруетъ перемиріе до Марта мѣсяца, чтобы въ это время приготовиться къ весеннему походу, послѣ того какъ снѣга растаятъ. Кажется, что кромѣ того они предъявили нѣкоторыя условія, которыя по слухамъ заключаются въ требованіи прекращенія пріѣзда добровольцевъ въ Сербію (!) Они требуютъ еще, чтобы Сербы отказались отъ занятія тѣхъ позицій, которыя въ настоящее время занимаютъ сами Турки (что служитъ доказательствомъ, что они или должны или желаютъ удалиться съ занимаемыхъ позицій.) Такъ какъ до сихъ поръ нѣтъ еще никакихъ сообщеній объ этомъ перемирії и его условіяхъ Сербскому правительству, то слѣдуетъ предположить, что или эти слухи не имѣютъ основаній, или державы совокупно, или одна изъ нихъ, убѣдилась въ безразсудности этихъ требованій Порты и поэтому онѣ не пожелали сообщить ихъ Сербіи.

Я долженъ при этомъ повторить, что все это только слухи или предположенія, положительнаго же я ничего не знаю ни официально, ни частнымъ образомъ.

Какъ только получу какія либо положительныя свѣдѣнія, я Вамъ сообщу по телеграфу, если это будетъ спѣшно, если же нѣтъ, то черезъ курьера, во всякомъ случаѣ сообщу во время, чтобы узнать Ваше мнѣніе относительно того, что будетъ предложено.

J'avais expliqué tout ceci verbalement au major Wolkoff pour vous le transmettre, mais au dernier moment j'ai préféré prendre la plume, craignant qu'il ne sache pas vous expliquer les choses clairement.

Vous m'avez télégraphié l'autre jour qu'il arriverait ces jours-ci une somme de cent mille ducats de Russie. Si cet argent n'est pas envoyé au gouvernement, mais à vous et s'il n'a pas un but special défini, ne pourriez vous pas venir en aide au gouvernement, qui se trouve actuellement dans une crise financière très aigue qui entrave la marche des affaires, avec une somme de 30 ou 40 mille ducats? Je puis vous assurer que pour la cause cela serait excellent et en ce cas, permettez moi si vous adoptez mon idée de vous prier, d'écrire une lettre à M-r Ristic, en lui disant quelques mots agréables, et en le priant de verser à la caisse de l'état cette somme. En général, je puis vous dire encore ceci, que Ristic a bien des défauts, mais c'est éminemment l'homme qui, si on sais bien le prendre peut rendre de grands services à la cause et c'est un homme qu'il ne faut pas éloigner, mais tout au contraire chercher à s'attacher.

Je regrette de ne pas pu me rendre à votre invitation de venir à Paratchin.

Mais vous avez compris les raisons qui m'on retenu ici. En tout cas d'ici à 10 ou 12 jours j'aurai le plaisir de vous serrer amicalement la main. S'il y a armistice ou vous viendrez ici ou je viendrai à Déligrad; s'il n'y a pas d'armistice, dès que mon fils sera baptisé me voilà à Déligrad. En attendant recevez l'assurance de mes sentiments d'amitié.

Votre sincerement reconnaissant

M. M. Obrènovitsch.

Belgrade.

Ce 1 Octob. 1876.

Mon cher général.

Connaissant les sentiments qui vous animent à l'égard des membres du gouvernement, sur qui, permettez moi de le vous dire, vous faites retomber quelque fois les fautes commis s par un d'entre eux, (inutile de vous dire que c'est le ministre de la guerre) je crois pouvoir vous prier d'accueillir avec amabilité le porteur de la présente, M-r Rabowoi Mi-

Все это я устно объяснилъ маіору Волкову для передачи Вамъ, но потомъ предпочелъ взяться за перо, изъ боязни, что онъ не сумѣетъ объяснить Вамъ все ясно.

Вы мнѣ телеграфировали на дняхъ, что изъ Россіи будутъ присланы сто тысячъ дукатовъ.

Если эти деньги посылаются Вамъ, а не правительству, и если онъ не имѣютъ *спеціально опредѣленную назначенія*, не можете ли Вы 30 или 40 тысячъ дукатовъ дать въ помощь правительству, переживающему въ *настоящее время острый финансовый кризисъ, наносящій ущербъ дѣламъ*. Могу Васъ увѣрить, что для *дѣла*¹⁾ это будетъ очень полезно. Если Вы согласитесь со мною, то позвольте обратиться къ Вамъ съ просьбой, написать письмо Г-ну Ристичу, сказавъ ему нѣсколько пріятныхъ словъ, и попросивъ его передать эту сумму въ государственное казначейство. Къ этому могу прибавить, что у Ристича много недостатковъ, но именно онъ можетъ быть очень полезенъ дѣлу, если *взяться за него умлючи*, и, по мѣрѣ возможности, не слѣдуетъ его удалять, а приблизить къ дѣлу.

Жалѣю, что не могъ по Вашему приглашенію пріѣхать въ Парачинъ. Но Вы понимаете причины, которыя меня здѣсь задержали. Во всякомъ случаѣ дней черезъ 10 или 12 буду имѣть удовольствіе позвать Вамъ дружески руку. Если будетъ перемиріе, то или Вы пріѣдете сюда, или я пріѣду въ Делиградъ, если же перемирія не будетъ то, какъ только состоится крещеніе сына моего, буду въ Делиградъ. Пока примите выраженіе моихъ дружескихъ чувствъ.

М. М. Обреновичъ.

Благодарный Вамъ

Бѣлградъ.

1-го Окт. 1876.

Дорогой генералъ.

Зная чувства, которыя Вы питаете къ членамъ правительства, которымъ Вы, позвольте мнѣ это Вамъ высказать, часто напрасно приписываете ошибки, содѣянные однимъ изъ нихъ (считаю напраснымъ

¹⁾ Борьбы съ Турками.

loikowitsch qui se rend à l'invitation que vous lui avez faite de venir à Deligrad pour s'entendre avec vous sur l'organisation meilleure des différents services de l'intendance.

M-r Radiwoi est un homme énergique qui quand il veut faire une chose sait bien la faire. C'est la beau frère de M-r Ristic.

Je vous serai très reconnaissant si vous causier avec lui amicalement; c'est un homme qu'il faut attacher à la cause et non éloigner.

Du reste, je crois pouvoir vous dire qu'en général (excepté le ministre de la guerre) les autres membres du gouvernement sont des hommes. qui ont eu et ont bien des défauts, mais qui cependant sont les seuls parmi les hommes politiques en Serbie qui ayent assez d'énergie pour continuer la lutte et qui soient personnellement intéressés à ce que la cause triomphe.

Les autres hommes politiques en Serbie ne font que rêver aux douceurs de la paix. Et comme dans un état même despotique, et à plus forte raison là où le pouvoir est partagé entre le souverain et d'autres facteurs, il y a besoin de ministres et qu'on les prend parmi ce que peut fournir le pays, vous pouvez comprendre, je crois, que je ne cherche pas du tout à provoquer de crise ministérielle. Quant au ministre de la guerre, j'en suis très mécontent. Si je n'insiste pas pour le faire sortir du cabinet, c'est que je crains d'amener une crise de tout le cabinet qui nuirait actuellement plus que jamais et que j'espère arriver à voir ses collègues eux mêmes convaincus de la nécessité de le changer. Du reste je vous conseille de faire part à M-r Radiwoi de tous vos griefs contre le colonel Nolic.

De nouvelles politiques je ne vous donne point car je n'en ai pas. Tout ce qu'on m'a assuré c'est qu'Ignatieff (qui est revenu à Constantinople) travaillait à un armistice jusqu'au 15 Nov. ou 1 Dec. et que les Turcs regimbent toujours.

En Roumanie, parait-il on fait de grands préparatifs. Dans quel but? Personne ne sait. En Grèce il y a aussi de l'agitation.

Je tiens à réparer à cette occasion deux oublis que j'ai commis, à cause des diverses préoccupations que j'ai.

указывать на военнаго министра)¹⁾, прошу Васъ принять благосклонно подателя этого письма Г-на Радивоя Милойковича, отправляющагося въ Делиградъ на Ваше приглашеніе для переговоровъ, относительно принятія мѣръ къ лучшей организаціи интенданства.

Радивой—человѣкъ энергичный, способный когда захочетъ, прекрасно исполнить возложенное на него дѣло, Ристичу онъ приходится зятемъ.

Буду очень Вамъ признателенъ за дружескій приемъ его. Этого человѣка слѣдуетъ привлечь къ дѣлу, а не удалять отъ него.

Кромѣ того, могу вполне основательно сказать, что вообще всѣ члены правительства (за исключеніемъ военнаго министра) единственно изъ всѣхъ политическихъ дѣятелей Сербіи хотя и имѣютъ многіе недостатки проникнуты энергіей, необходимой для продолженія борьбы, будучи лично заинтересованы въ успѣхѣхъ дѣла.

Другіе политическіе дѣятели въ Сербіи мечтаютъ только о прелестяхъ мира.

Даже въ государствѣ съ неограниченною властью, а, тѣмъ болѣе, тамъ гдѣ она разграничена между государемъ и другими ея представителями, нужны министры, набираемые изъ среды тѣхъ людей, которыхъ можетъ дать страна; на основаніи этого. Вы можете судить насколько я стараюсь избѣгнуть министерскаго кризиса. Что же касается военнаго министра, то я имъ очень недоволенъ. Я не настаиваю на его удаленіи изъ кабинета только потому, что боюсь этимъ вызвать кабинетскій кризисъ въ настоящее время въ высшей степени опасный и надѣюсь, что его товарищи сами придутъ къ убѣжденію о необходимости его замѣнить. Однако я Вамъ совѣтую объяснить г-ну Радивою всѣ причины Вашего неудовольствія противъ полковника Николича.

О политическихъ новостяхъ я Вамъ ничего не сообщаю, самъ ничего не зная.

Мнѣ говорили только, что Игнатьевъ возвратился изъ Константинополя и старается добиться перемирія до 15 Ноября или 1 Декабря, Турки же все упрямятся.

Въ Румыніи кажется дѣлаются большія приготовленія. Съ какою цѣлью? Никто этого не знаетъ. Въ Греціи тоже волненіе.

¹⁾ Изъ письма Дандевилля М. Г. Черняеву на позицію, изъ Бѣлграда, отъ 8-го октября.—„По перепискѣ моей съ Николичемъ и объясненіямъ, видно, что онъ желаетъ, чтобы Комит. Слав. платил жалованье русскимъ офицерамъ Вашей арміи, а Сербскимъ и офицерамъ другихъ армій платило бы сербское правительство. Все это я сообщилъ Комитетамъ Моск. и Петерб. Теперь, какъ мы съ Вами условились, надобно, чтобы *Вы, покуда я налажу рѣшенія Комитетовъ, давали русскимъ офицерамъ Вашей арміи* если не жалованье сполна, то хоть средства въ пособіе. Николичъ признался, что за два мѣсяца всѣ офицеры русскіе ничего не получили отъ Правительства, потому де что оно не знало, что будетъ такой наплывъ офицеровъ. Вотъ положеніе дѣла о содержаніи офицеровъ, Жду съ нетерпѣніемъ рѣшенія комитетовъ. Просилъ, чтобы дали суммы специально на жалованье офицерамъ—какъ Вы хотѣли.“

M-r Kartzoff m'a. il y a longtemps encore, chargé de vous dire qu'à Nish il y avait en tout 13 canons de siege, amenés de Constantinople et que le reste s'était abimé et perdu à Tatar-Basarjik. Outre cela, quelques jours avant la reconnaissance de Medwedofsky devant Saitschar. il m'avait dit avoir reçu la nouvelle que les dernier 4.000 hommes de réserve que les Turcs avaient étaient arrivés à Widin.

Je joins à ma lettre la traduction en Serbe de cette lettre écrite au baron Stuart par un italien au sujet de la conspiration dont je vous avais déjà informé par télégramme.

Le général Protic partira demain pour se mettre à vos ordres. Si il y a d'ici là quelque chose de neuf, je vous écrirai par lui.

J'ai écrit a M. Milosow Protic qui est à Pétersbourg de se rendre chez la générale, votre femme, pour lui demander quand elle desirait que le baptême de votre fils ait lieu. car c'est lui que j'ai chargé de me représenter comme parrain. La générale lui a dit de me demander à moi quand le baptême devrait avoir lieu. A mon tour je vieus vous prier de vouloir bien vous fixer le jour, car je ne sais vraiment pas comment le fixer.

Veillez croire, mon cher général, à tous les sentiments d'amitié et d'estime.

Votre sincerement reconnaissant.

M. M. Obrénovitsch.

Belgrade.

12 Octobre 1876.

Belgrade 13 Octobre 1876.

Confidentielle.

Mon cher général,

Je profite du depart du général Protic pour lui remettre cette lettre, car c'est entre les mains d'un homme parfaitement devoué à mon égard que je la remets.

Je viens vous prier, mon cher général, de ne plus m'envoyer comme courrier à Belgrade, le colonel Catargi. Des raisons de famille me font désirez qu'il ne vienne pas souvent à Belgrade et surtout que vous ne l'admettier pas dans votre intimité. comme jusqu'à présent et que vous

Спѣшу исправить мою двойную забывчивость, которую слѣдуетъ приписать многочисленнымъ моимъ заботамъ. Г-нъ Карцевъ давно просилъ меня передать Вамъ, что въ Нишѣ было всего 13 осадныхъ орудій, привезенныхъ изъ Константинополя, остальные были попорчены и потеряны у Татаръ—Базарджика. Кромѣ того за нѣсколько дней до развѣдки Медвѣдовскаго при Зайчарѣ, онъ мнѣ сообщилъ о полученномъ имъ извѣстїи, что послѣдніе 4.000 человекъ, бывшіе въ резервѣ у Турокъ, прибыли въ Виддинъ.

Присоединяю къ письму моему, переводъ на Сербскій языкъ письма, написаннаго итальянцемъ барону Стюарту¹⁾ относительно заговора, о которомъ я уже сообщилъ Вамъ по телеграфу.

Генераль Протичъ ѣдетъ завтра для поступленія въ Ваше распоряженіе. Если за это время произойдетъ что либо новое, сообщу Вамъ письменно черезъ него. Я писалъ Милосаву Протичу въ Петербургъ, чтобы онъ поѣхалъ къ Вашей супругѣ и узналъ, когда она желаетъ назначить крестины Вашего сына, поручивъ ему быть моимъ представителемъ въ качествѣ крестнаго отца. Супруга Ваша поручила ему узнать, когда я пожелаю назначить день крестинъ. Обращаюсь къ Вамъ съ просьбой назначить этотъ день, такъ какъ я право не знаю когда его назначить.

Вѣрьте прошу Васъ, дорогой генераль, моимъ чувствамъ дружбы и уваженія.

Искренно Вамъ признательный

М. М. Обреновичъ.

Бѣлградъ.

12 Окт. 1876.

Дорогой Генераль,

Пользуюсь отъѣздомъ генерала Протича для передачи Вамъ этого письма, желая поручить его человекъ въполнѣ мнѣ преданному.

Прошу Васъ, дорогой генераль не посылать болѣе ко мнѣ въ качествѣ курьера въ Бѣлградъ, полковника Катаржи. Вслѣдствіе семейныхъ обстоятельствъ, я не желаю, чтобы онъ прїѣзжалъ часто въ Бѣлградъ. Особенно мнѣ не хочется, чтобы Вы впредь приближали

¹⁾ Не относится ли это къ покушенію на М. Г. одного лица въ одѣянїи священника, предполагавшаго поднести икону. Болгаринъ этотъ былъ повѣшенъ. Намекъ на этотъ эпизодъ есть въ черновомъ наброскѣ плана Сербской войны, сдѣланномъ Мих. Гр. А. Ч.

ne l'initiez pas à toutes les affaires. Je vous prie de ne pas le traiter comme mon oncle, mais comme n'importe quel autre colonel. J'espère, mon cher général, que vous voudrez bien tenir compte à l'avenir du désir que je vous exprime. Du reste, je crois que par cela vous vous rendrez à vous même un service car je ne crois pas que le colonel Catargi soit un homme qui puisse vous faire du bien et que c'est le contraire plutôt, c'est à dire qu'il peut vous nuire à vous personnellement, à son insu probablement, mais l'effet en reste de même. Je vous prierai même d'être tout à fait sévère vis à vis du capitaine Ghika, qui est un individu, qui dans son pays jouit de la réputation d'un fou, qui vient à Belgrade et fréquente divers consulats où il bavarde Dieu sait quoi. Les courriers qui me seraient agréables, je vous le dit franchement, sont M. M. les comtes Konownitzine et Keller, prince Obolensky, major Wolkoff, colonel Schewic, ou n'importe quel autre qui jouit de votre confiance personnelle.

Je me permets aussi de vous recommander spécialement le général Protic, comme un homme sûr et qui m'est très dévoué, en cas de mission très importante et personnelle. Mais il ne faut pas l'envoyer trop souvent à Belgrade, car cela, je crois, ne lui conviendrait pas, attendu qu'il ne veut pas qu'on lui fasse le reproche de ne pas être là où l'on se bat.

Je vous ai envoyé par le ministre de l'intérieur des nouvelles médailles. D'ici à quelque temps je vais créer, selon le désir que vous m'avez exprimé de nouvelles classes de l'ordre de Takowo. A propos de décorations, vous m'avez exprimé le désir d'en envoyer à certaines personnes en Russie. Dès que j'aurai les nouvelles classes, j'en enverrai: j'ai déjà la liste des personnes qui nous ont été très utiles. Je vous l'enverrai un de ces jours pour que vous la voyez et y ajoutiez quelques noms, si vous le jugez nécessaire.

Vous aurez appris peut-être certaine histoire avec le capitaine Orjiewsky ou Orjifsky, je ne sais plus comment il s'appelle. Le colonel Catargi ayant été la cause de la mesure que je voulais prendre contre cet officier, saura quand il sera à Deligrad, mieux vous expliquer comment les choses se sont passées. En fait de nouvelles politiques aucunes. Toujours l'incertain. Agréez mes sentiments d'amitié et d'estime.

Votre sincèrement reconnaissant.

M. M Obrenowitsch.

его къ себѣ и посвящали во всѣ дѣла. Прошу Васъ обращаться съ нимъ не какъ съ дядей моимъ, а какъ со всякимъ другимъ полковникомъ. Надѣюсь, дорогой генералъ, что Вы будете на будущее время согласоваться съ выраженнымъ мною желаніемъ. Думаю при этомъ, что этимъ Вы окажете себѣ самому услугу, тѣмъ болѣе, что полковникъ Катаржи скорѣе, мнѣ кажется, можетъ принести Вамъ лично не пользу, а вредъ, пожалуй и вопреки своему желанію, но результатъ отъ этого не измѣнится. Я попрошу Васъ отвестись съ полною строгостью къ капитану Гикѣ, пользующемуся у себя на родинѣ репутаціей человѣка сумасшедшаго. Онъ пріѣзжаетъ въ Бѣлградъ, бываетъ во всѣхъ консульствахъ и болтаетъ тамъ Богъ знаетъ что. Откровенно Вамъ говоря, наиболѣе пріятными мнѣ лицами въ качествѣ курьеровъ будутъ графы Коновницынъ и Келлеръ, князь Оболенскій, маіоръ Волковъ, полковникъ Шевичъ или изъ числа другихъ лицъ, которыя пользуются Вашимъ личнымъ довѣріемъ.

Позвольте особенно рекомендовать Вамъ генерала Протича въ качествѣ вѣрнаго и очень мнѣ преданнаго человѣка, для исполненій личныхъ и важныхъ порученій. Но посылать его часто въ Бѣлградъ не слѣдуетъ въ виду того, что онъ желаетъ постоянно быть въ сферѣ сраженій и избѣгнуть нареканія въ томъ, что избѣгаетъ огня.

Я послалъ Вамъ черезъ министра внутреннихъ дѣлъ новыя медали. Черезъ нѣсколько дней, я согласно выраженному Вами желанію установлю новыя степени ордена Таково. Вы мнѣ выразили желаніе послать ордена нѣкоторымъ лицамъ въ Россію. Какъ только установлю новыя степени, исполню Ваше желаніе. У меня уже есть списокъ лицъ, оказавшихъ намъ большія услуги. Посылаю этотъ списокъ Вамъ для прочтенія съ тѣмъ, чтобы Вы приписали къ нимъ желаемыхъ Вами лицъ.

Вы слышали уже исторію съ капитаномъ Оржевскимъ. Полковникъ Катаржи былъ причиной мѣры, которую я хотѣлъ принять относительно вышеозначеннаго офицера. Катаржи лучше сумѣетъ объяснить Вамъ всѣ подробности, когда пріѣдетъ въ Делиградъ. Политическихкихъ новостей никакихъ. Полная неопредѣленность.

Примите выраженіе моихъ чувствъ дружбы и уваженія

Искренно Вамъ благодарный

М. М. Обреновичъ.

Belgrade 22/Fevr. 6 Mars 1877.

Mon cher général,

Quand j'ai reçu votre lettre par l'entremise du capitaine Beretti, avant même de l'ouvrir, j'en fus très heureux. J'espérais depuis longtemps avoir de vos nouvelles, et ce n'est qu'à l'arrivée de Doktouroff ici que j'ai pu comprendre votre silence. Lorsqu'il m'a fait part de l'infâme mensonge émis par Marinowic à Pétersbourg, je me suis demandé si je devais vous écrire pour protester contre les indignes paroles de Marinowic et vous assurer, que loin d'avoir perdu tout crédit auprès de moi, vous jouissez de ma confiance, et que c'est avec des sentiments de reconnaissance que je me souviens de votre présence parmi nous, mais j'ai préféré vous laisser le temps de réfléchir que vous ne pouviez pas, vous ne deviez pas croire. un seul instant, à la véracité des assertions de Marinowic.

C'est pourquoi votre lettre a été pour moi la preuve que j'attendais que votre confiance et votre amitié à mon égard n'étaient point ébranlées. Je vous en remercie cordialement, mon cher general, et croyez à l'avenir comme par le passé à toute mon amitié et à toute ma reconnaissance.

Si je vous ai laissé si longtemps sans réponse à votre lettre, si j'ai retenu si longtemps le capitaine Peretti à Belgrad, c'est que dans ces derniers temps je n'ai pas eu une minute à moi, de façon qu'il m'a été impossible de prendre la plume pour vous remercier de m'avoir écrit.

Aujourd'hui même, je saisis un moment de libre pour vous écrire à la hâte ces quelques lignes, en me bornant à vous assurer de mes sentiments, et à vous envoyer les décrets pour les personnes que vous désiriez voir décorés du Takowo. En même temps je vous fait part que je me suis décidé à trois classes:

- 1-o le grand cordon.
- 2-o commandeur.
- 3-o chevalier.

Les autres classes que j'avais voulu créer je ne les ai pas décrétées. Je vous prie, mon cher général, de bien vouloir accepter la grande

Бѣлградъ, 22 Февр./6 Марта 1877 г.

Дорогой генераль,

Получивъ Ваше письмо черезъ капитана Беретти, я очень ему обрадовался, даже прежде нежели прочелъ его. Я давно надѣялся получить отъ Васъ извѣстія и только по прїѣздѣ сюда Дохтурова, я могъ объяснить себѣ Ваше молчаніе. Когда онъ мнѣ сообщилъ о *безчестной лжи*, пущеной Мариновичемъ въ Петербургѣ, я хотѣлъ было писать Вамъ, протестовать противъ безчестныхъ словъ Мариновича и убѣдить Васъ, что мое довѣріе къ Вамъ не только не уменьшилось, но осталось въ полной силѣ. Съ чувствомъ постоянной признательности я вспоминаю о времени, проведенномъ Вами среди насъ, однако я предпочелъ дать Вамъ время обдумать, что *Вы не могли, не должны были* ни одной минуты повѣрить правдивости утвержденій Мариновича.

Потому то письмо Ваше было для меня *ожидаемымъ мною доказательствомъ*. что Ваше довѣріе и дружба ко мнѣ не были поколеблены. Сердечно Васъ благодарю за это, дорогой генераль, и прошу впредь какъ и прежде, вѣрить моей глубокой дружбѣ и благодарности.

Я такъ долго не отвѣчалъ на Ваше письмо и такъ долго задержалъ капитана Беретти въ Бѣлградѣ потому, что послѣднее время у меня не было ни минуты свободной, такъ что я не могъ улучшить времени, чтобы взяться за перо и благодарить Васъ за Ваше письмо. Даже сегодня пользуюсь выпавшей свободной минутой, чтобы спѣшно написать эти строки, ограничивая мое письмо увѣреніями въ дружескихъ чувствахъ и посылкой дипломовъ для лицъ, относительно которыхъ Вы выразили желаніе, чтобы они получили орденъ Таково. Сообщаю Вамъ одновременно, что я рѣшилъ учредить три степени:

- 1) Орденскую степень.
- 2) Степень командира.
- 3) Степень кавалера.

Я не декретировалъ другія степени, которыя хотѣлъ установить. Прошу Васъ, дорогой генераль, примите орденъ Таково первой степени, который позволяю себѣ приложить къ этому письму. Не имѣя подъ рукой дипломовъ, я откладываю ихъ отсылку на нѣсколько дней и тогда напишу Вамъ подробнѣе о событіяхъ, случившихся послѣ Вашего отъѣзда, которыя вопреки нашей воли принудили насъ къ заключенію мира¹⁾.

¹⁾ Изъ письма Катаржи, бывшаго полковника румынской арміи, дяди кн. Милана М. Г. Черняеву отъ 22 Февр. 1877 г. (переволь съ французскаго). Князь былъ принуж-

croix que je me permets de vous envoyer ci joint. N'ayant pas de diplôme sous main, je me reserve de vous l'envoyer dans quelques jours et à cette occasion je vous écrirai plus longuement pour vous entretenir des évènements qui se sont passés ici depuis votre départ et qui nous ont amené bon gré mal gré à la conclusion de la paix! Agrées, mon cher général, mes sentiments d'amitié et de sincère estime. Ma femme me charge de vous transmettre son meilleur souvenir.

Votre sincèrement affectionné et reconnaissant.

M. M. Obrènowitsch.

Je ne vous ai pas envoyé les croix accompagnant les diplomes car je n'en ai pas eu. Si vous les désirez, télégraphiez moi; ou plutôt, je vous les enverrai en même temps que ma prochaine lettre.

M. M. O.

Télégramme. Serbie. Belgrade Son Altesse Souveraine

Milan Obrenovitch IV.

Sire, veuillez agréer mes félicitations dévouées à l'occasion de la reconnaissance par l'Europe de l'indépendance de votre peuple, conquise avec tant d'efforts et de sacrifices suprêmes. Les chrétiens des Balcons se souviendront toujours que c'est à votre initiative et à celle de votre peuple qu'ils doivent l'amélioration de leur sort.

Paris. Nissa. Télégramme.

Général Tcherniaeff. Hotel Tibre, rue de Helder. Paris.

Ai été très sensible à vos félicitations de nouvel an tiens à vous exprimer tous mes remerciements et à vous assurer que je me rappelle toujours avec plaisir votre séjour en Serbie. Princesse Nathalie.

Примите, дорогой генераль, выраженіе моихъ дружескихъ чувствъ и искреняго уваженія. Жена моя поручаетъ мнѣ передать Вамъ свой искренній привѣтъ.

Искренно Васъ любящій и благодарный

М. М. Обреновичъ.

Я не послалъ Вамъ дипломовъ къ крестамъ, не имѣя еще ихъ. Если желаете ихъ получить, телеграфируйте мнѣ, или лучше я ихъ пришлю Вамъ одновременно съ слѣдующимъ моимъ письмомъ.

М. М. О.

Сербія. Бѣлградъ. Телеграмма.

Его Высочеству Милану Обреновичу IV.

Ваше Высочество, соблаговолите принять мои всепреданныя поздравленія по случаю признанія Европой независимости Вашего народа, пріобрѣтенной такими усиліями и тяжелыми жертвами. Балканскіе христіане всегда будутъ помнить, что иниціативъ Вашей и Вашего народа они обязаны улучшеніемъ своей судьбы.

Парижъ. Ницца. Телеграмма.

Генералу Черняеву. Гостинница Тибръ. Улица Гельдеръ. Парижъ.

Была очень тронута Вашими новогодними поздравленіями. Выражаю Вамъ свои чувства признательности съ увѣреніемъ, что я всегда съ удовольствіемъ вспоминаю о Вашемъ пребываніи въ Сербіи. (*единственное* обращеніе къ М. Г. кн. Наталіи).

Княгиня Наталія.

день вопреки своему желанію принять предложенный Турками миръ. Съ сердцемъ растерзаннымъ подписалъ онъ его. Я былъ свидѣтелемъ его отчаянія, но другого выхода у него не было. Онъ писалъ Государю (говорю Вамъ это конфиденціально), заклиная его высказать откровенно свои намѣренія относительно Сербіи, которая готова возобновить неравную борьбу, если ей дадутъ реальную надежду на денежную помощь. Отвѣтъ воспослѣдовалъ слѣдующій: „Сербія—самостоятельная распорядительница своей судьбы. Пусть она заключаетъ миръ или продолжаетъ войну соответственно своимъ интересамъ.“

Sire,

En 1876, lorsque Votre Majesté avait pris les armes pour défendre nos frères opprimés en Bosnie et dans l'Herzegovine, je me sentis entraîné à quitter ma patrie et ma famille pour entrer dans les rangs de votre armée.

Le même sentiment qui m'avait attiré en Serbie ne me permit plus de conserver cette marque de haute distinction de la part de votre Majesté maintenant, que vous avez entrepris une guerre fratricide contre ces mêmes Bulgares dont plus de mille hommes s'étaient alors enrolés volontairement pour combattre côte à côte avec les Serbes l'ennemi commun.

C'était à Votre initiative, Sire, que les deux Bulgaries durent l'amélioration de leur sort, de même que le sang Bulgare mêlé sur les champs de bataille au sang Serbe contribua à créer l'indépendance de Votre royaume.

J'ai l'honneur, Sire, de déposer dans les mains de Votre Majesté la décoration de Takovo ci jointe.—

M. Tcherniaeff.

Moscou.

12 Novembre 1885.

Ваше Величество!

Въ 1876 г. когда Ваше Величество подняли оружіе въ защиту нашихъ угнетенныхъ братьевъ въ Босніи и Герцеговинѣ, я увлекся желаніемъ вступить въ ряды Вашей арміи, покинувъ свое отечество и семью.

То же чувство, которое увлекло меня въ Сербію, не допускаетъ мнѣ сохранить этотъ высокій знакъ отличія Вашего Величества теперь, когда Вы предприняли братоубійственную войну противъ тѣхъ самыхъ Болгаръ, изъ среды которыхъ цѣлая тысяча человекъ добровольно сражались бокъ о бокъ съ Сербами противъ общаго врага.

Вашей инициативѣ, Ваше Величество, обязаны объ Болгаріи улучшеніемъ своей судьбы, точно также кровь, пролитая Болгарами на полѣ битвы совмѣстно съ кровью Сербовъ, содѣйствовала осуществленію независимости Вашего королевства.

Имѣю честь, Ваше Величество, вручить Вамъ прилагаемый при семъ орденъ Таково.

М. Черняевъ.

Москва 12 Ноября 1885 г.

Слово, обращенное Московскимъ Городскимъ Головою Государю Александру III въ Москвѣ 13 Мая 86 г.

„Всесловная Дума первопрестольной Москвы бьетъ Тебѣ, Самодержавный Государь, челомъ. Прими нашу хлѣбъ-соль, прими нашу любовь, вѣрь нашей радости лицезрѣть Тебя, Государыню Царицу, Государя Цесаревича. Ты грядешь къ намъ съ благословеннаго юга, Ты возвратилъ къ жизни Черное Море, и окрыляется наша надежда и крѣпнетъ наша вѣра, что крестъ Христовъ возсіяетъ на Святой Софіи. Такъ мыслить, такъ уповаешь Москва“.

Государь Императоръ, принявъ хлѣбъ-соль, выразилъ, что онъ любить Москву и радуется, что находится въ ней во дни, совпадающіе съ торжественными днями Священнаго Коронованія, которые останутся для него навсегда *самымъ свѣтлымъ воспоминаніемъ*.

Письмо М. Г. Черняева городскому головѣ по поводу этого слова.

Москва, 12 Мая 86 г.

Милостивый Государь

Николай Александровичъ,

Съ оживляющимъ чувствомъ радости прочелъ я привѣтственные слова, сказанныя Вами при поднесеніи хлѣба-соли Государю.

Сердце сердцу вѣсть подаетъ. Какже Москвѣ—сердцу Россіи не подавать вѣсти о своихъ желаніяхъ отзывчивому сердцу Цареву? Откуда какъ не изъ Москвы узнать Государю, что нужно, чего недостаетъ землѣ русской. Вы чутко подслушали давно гнетущую русскую душу скорбь и Ваше живое слово будетъ оцѣнено не одною Москвою, но и всею Россією.

Дай Богъ чтобы отъ Вашего почина средостѣнія рушились и древнее, благотворное общеніе Царя съ беззавѣтно преданнымъ Ему народомъ отнынѣ возстановилось.—

М. Черняевъ.

*

Письмо М. Г. королю Сербскому Александру.

Ваше Величество!

Генераль Груичъ передалъ мнѣ 14 Августа, въ день пятидесятилѣтія моего служенія Вашъ портретъ.

Этотъ знакъ Вашего Монаршаго вниманія къ скромнымъ заслугамъ, оказаннымъ мною Сербіи двадцать лѣтъ тому назадъ, наполнилъ мою душу радостью и глубокою благодарностью.

Взирая на подаренный Вами портретъ, я живо припоминаю, какъ вмѣстѣ съ бывшею подъ моимъ начальствомъ Моравскою армією мы праздновали въ Делиградѣ, подъ громомъ турецкихъ орудій, счастливый день Вашего рожденія. Примите же, Ваше Величество, на закатѣ моихъ дней, мои сердечныя пожеланія Вамъ долгаго и славнаго царствованія.

Вашего Величества всепреданный слуга

М. Черняевъ.

1897 г.